

Иньюань-ди выглядел настолько мрачным, что на него было страшно смотреть. Холодным тоном он отдал приказ:

— Отведите Благородную наложницу Лань во Дворец Гуанлань. Без моего приказа ей запрещено покидать пределы своих покоев!

— Ци Фу!

Евнух Ци, который всё это время безмолвно и почти незаметно стоял рядом с Иньюань-ди, тут же выступил вперед, ожидая указаний.

— Я хочу видеть то самое письмо! — произнес Иньюань-ди.

Затем он взмахнул рукавами и удалился. Ссора у дверей Императорского кабинета на время затихла. Это была война без пороха, и лишь струйки свежей алой крови, стекавшие по черному лакированному дверному косяку, напоминали о том, какая захватывающая дух ставка была сделана в этой игре не на жизнь, а на смерть.

Вернувшись в свои покои, Су Цзиньхуэй посмотрела на Евнуха Ци, который молча и почтительно стоял посреди зала, и насмешливо бросила:

— Не утруждайте себя обыском, евнух!

Она достала из шкафа маленькую шкатулку с искусной резьбой, открыла её ключом и извлекла пожелтевшее письмо. Погладив конверт, она проговорила:

— У тетушки почти не осталось вещей после смерти, только это письмо... Можете забрать его, чтобы отчитаться перед государем.

Затем она небрежно вытащила несколько банкнот, вложила их в пустой конверт и передала оба письма, сложив их вместе, в руки Ци Фу.

В комнате, кроме них, никого не было. Ци Фу спрятал оба конверта за пазуху и, сложив руки в приветствии, произнес:

— Раб желает вашей светлости исполнения всех желаний.

Когда он ушел, Су Цзиньхуэй усмехнулась. Сев перед зеркалом, она принялась разглядывать свое отражение, а затем перевела взгляд на собственные белые нежные руки. Когда она ещё жила в родительском доме, от скуки она часто брала прописи своей тетушки и копировала её почерк — и вот теперь это наконец пригодилось.

Тетушка, когда твоего ребенка забрали, ты была бессильна, что и привело тебя к гибели от тоски.

Теперь я молю лишь о том, чтобы ты оберегала меня и моего сына, чтобы мы не разлучились.

В покоях императора Иньюань-ди бережно гладил письмо, которое легло ему в руки. Гнев и раздражение, терзавшие его, заметно утихли, и он впервые за долгое время обрел душевный покой. Почерк в письме был изящным и чистым, под стать самой хозяйке — мягким, словно весенние воды Цзяннани, но при этом обладающим скрытой силой.

— Лань-эр... — сорвался с его губ тихий вздох.

Спустя долгое время он снова заговорил:

— Ци Фу, как ты думаешь, неужели Лу Юй действительно так дурно обращался с моим маленьким Цзяланем?

Во дворце воцарилась такая тишина, что было слышно, как падает игла. У Ци Фу на лбу выступил холодный пот. Служить государю — всё равно что жить с тигром, и никто не знал, что именно скрывается за этим вопросом.

Пауза была недолгой. Ци Фу быстро обдумал ответ и попытался успокоить императора:

— Ваше Величество, не извольте беспокоиться. Герцог прекрасно знает о происхождении Его Высочества... Он дорожит им, как зеницей ока, разве мог он дурно с ним обращаться?

В глубине души Ци Фу горько усмехнулся: дорожить-то дорожил, да вот только поставил его так высоко, что это лишь вызывало зависть у окружающих. Да и Герцогиня, скорее всего, ненавидела его всеми силами души, разве могла она окружить его материнской заботой и вниманием? Его Высочество, должно быть, натерпелся ледяных взглядов, оттого и стал таким холодным и отчужденным.

Спустя долгое время Ци Фу услышал тяжелый вздох Иньюань-ди и ещё ниже опустил голову. Мысли императора были непостижимы, и он мог лишь полагаться на свой тридцатилетний опыт службы, пытаясь угадать скрытый смысл.

Иньюань-ди приказал:

— Верните Пятого принца во Дворец Гуанлань... А Императрицу — под домашний арест во Дворец Фэнъи.

— Слушаюсь, — почтительно ответил Ци Фу.

Лу Цзялань в шестнадцать лет сдал государственные экзамены и сразу стал чжуаньюанем. Однако он не успел долго прослужить на посту, как скончалась его бабушка, и он ушел в трехлетний траур. За эти три года многие из его современников стали новыми звездами при дворе, и среди них первым был танхуа Цзян Цзиньшу.

Три года назад Цзян Цзиньшу был выбран Императрицей в жены Второму принцу Чэн Чжаню, и в прошлом году они сыграли свадьбу. Чтобы показать свою милость, император не стал запираť его в поместье принца, а позволил служить при дворе. Цзян Цзиньшу работал в Ведомстве цензоров. Поскольку он был гэ-эром, он не поддерживал тесных связей с другими чиновниками, а из-за своей прямооты и склонности к резкой критике вскоре прослыл в народе честным и неподкупным чиновником, сочувствующим нуждам людей.

Что же касается Второго принца Чэн Чжана, подслушивавшего в боковом зале, то после ухода Иньюань-ди он, дождавшись, пока стража отвлечется, тайком покинул Императорский кабинет. Всю дорогу до своего поместья он был погружен в мысли и даже не заметил раздражения на лице Цзян Цзиньшу.

Лишь когда его супруг с грохотом бросил палочки и в ярости ушел в спальню, Чэн Чжань

пришел в себя. Посмотрев на свою чашу, он тоже с силой поставил её на стол и махнул рукой:

— Уберите всё, я наелся!

В комнате Цзян Цзиньшу сидел на кушетке с чашкой чая. Бросив на принца холодный взгляд, он насмешливо произнес:

— Говори, что заставило тебя так витать в облаках? Повстречал лису — или лиса? Не строй мне тут гримасы, если хочешь привести кого-то в поместье — так и скажи.

Цзян Цзиньшу и в обычные дни был холоднее, чем Гу Цзинлань, а после того, как его весь вечер игнорировали, он был настроен ещё более враждебно. Но Чэн Чжаню сейчас было не до его тона. Он выгнал слуг, обнял Цзян Цзиньшу и прошептал:

— Это дело государственной важности, Цзиньшу, не дури. Я сегодня узнал один секрет.

Затем Чэн Чжань подробно пересказал всё, что услышал в кабинете, и поделился своими догадками.

— Что! Ты хочешь сказать, что Лу Цзялань — родной сын Его Величества? — услышав это, Цзян Цзиньшу в изумлении вскочил с рук Чэн Чжаня.

— Тише! — прикрикнул Чэн Чжань. — Если я не ошибся, это правда.

Цзян Цзиньшу словно молотом по голове ударили. Он был в полном замешательстве, пошатнулся и, опираясь на стол, сел обратно, бормоча:

— Но ведь на экзамене государь сам назвал его чжуаньюанем...

Чэн Чжань знал, что тот до сих пор болезненно переживает, что тогда не занял первое место, и поспешил его успокоить:

— Раз уж он незаконнорожденный сын государя, тот, конечно, будет к нему благоволять. Не бери это в голову.

Весь вечер и всю вторую половину дня в голове Чэн Чжаня крутилась одна мысль: как использовать этот секрет Лу Цзяланя в своих целях. К этому моменту в его сознании сложился четкий план, подобно паутине, где каждая нить была связана с другой, не оставляя ни малейшей лазейки.

Тяжелый камень, давивший на сердце весь день, наконец свалился. Он почувствовал невероятную легкость и даже возбуждение, гордясь своей находчивостью. Решив важную задачу, он наконец нашел силы утешить своего супруга. Чэн Чжань обнял Цзян Цзиньшу со спины, положил голову ему на плечо и прошептал:

— Цзян Цзиньшу, твой талант очевиден всем. Ты уже заместитель главы Ведомства цензоров, а он — всего лишь мелкий чиновник в Министерстве доходов. Ты явно превосходишь его. К тому же, ты гэ-эр, тебе труднее пробиваться при дворе, чем ему... Не принижай себя, Цзиньшу.

Услышав это, лицо Цзян Цзиньшу немного смягчилось. Чэн Чжань, уткнувшись носом в плечо супруга, вдыхал его тонкий сладковатый аромат. Стоило ему поднять голову, как он тут же замечал ярко-алую родинку у него между бровей.

Почувствовав влечение, Чэн Чжань подхватил Цзян Цзиньшу на руки и направился к кровати.

Цзян Цзиньшу не сопротивлялся, а Чэн Чжань, шагавший широкими шагами, не заметил, как на лице того на мгновение промелькнуло выражение отвращения.

Неизвестно, испытывал ли он отвращение к человеку, который его держал, или к самому себе.

<http://bllate.org/book/20357/2035254>